

ВКЛАД В ИСПРАВЛЕНИЕ ПРЕЖНИХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ ФИЛОСОФОВ КАРЛОМ ЛЕОНГАРДОМ РЕЙНГОЛЬДОМ

Перевод Антонова Валерия

Карл Рейнгольд

Карл Рейнгольд
Вклад в исправление
прежних заблуждений
философов Карлом
Леонгардом Рейнгольдом.
Перевод Антонова Валерия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69110038
ISBN 9785005980519

Аннотация

«Элементарная философия» Рейнгольда – одна из первых попыток субъективно-феноменологической интерпретации кантовского критицизма, устранения из него «догматического» понятия вещи в себе. На обложке иллюстрация является общественным достоянием в стране происхождения и других странах и регионах, где срок действия авторского права составляет жизнь автора плюс 70 лет или менее

Содержание

Jena, den 26. März 1794	11
I. О различии между здравым разумом и философствующим разумом в отношении основ знания, возможного с помощью обоих	12
Дополнение	63
II. СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВ БУДУЩЕГО И ПРОШЛОГО МЕТАФИЗИКИ	69
Изложение основ будущей метафизики	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

**Вклад в исправление
прежних заблуждений
философов Карлом
Леонгардом Рейнгольдом
Перевод Антонова Валерия**

Карл Рейнгольд

Переводчик Валерий Антонов

© Карл Рейнгольд, 2024

© Валерий Антонов, перевод, 2024

ISBN 978-5-0059-8051-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Вклад в исправление прежних заблуждений философов
Карлом Леонгардом Рейнгольдом**

На обложке иллюстрация является общественным достоянием в стране происхождения и других странах и регионах, где срок действия авторского права составляет жизнь

автора плюс 70 лет или менее

Второй том, посвященный основам философской воли, метафизике, морали, нравственной религии и учению о вкусе.

Второй том материалов продолжает начатый четырьмя годами ранее проект создания основ философского знания и расширяет его в применении к метафизике, морали, религии и теории вкуса. Возникшие с тех пор споры с кантианцами и антикантианцами об идее и границах элементарной философии заставляют Рейнгольда пересмотреть спекулятивные подходы, которые он отстаивал ранее, и побуждают его задуматься над вопросами, которые ранее не рассматривались напрямую. Это не просто смещение акцентов с уже занятых позиций, а скорее начало иной спекуляции. Попытка новой теории способности желания», начатая в «Письмах о философии Канта», вновь проясняется в дискуссии об основании морали, которая частично ведется против Карла Кристиана Эрхарда Шмида. Издание дополняют два приложения: вторая часть рецензии Рейнгольда на «Критику способности суждения» Канта, которая не была включена в первоначальное издание материалов, и небольшой текст, опубликованный анонимно в журнале Виланда «*Neuem Deutschen Merkur*», который, возможно, был написан Рейнгольдом.

Philos
R3724be

Beyträge
zur Berichtigung
bisheriger
Misverständnisse
der Philosophen

von

Karl Leonhard Reinhold.

Zweyter Band

557980

27.2.53

die

Fundamente

des

philosophischen Wissens, der Metaphysik, Moral,
moralischen Religion und Geschmackslehre
betreffend.

Jena,

bey Johann Michael Mauke, 1794.

Предисловие.

Единственно возможная будущая система научной философии без эпитетов, для которой кантовская критика представила нам актуальный и определенный предмет и которая до сих пор могла быть осуществлена только одним самостоятельно мыслящим человеком, может возникнуть только благодаря сотрудничеству многих и притом постепенно. Первая

часть этого сборника и специально напечатанный трактат: «Об основании философского знания», призванные содействовать систематическому обоснованию этой философии, могут поэтому не вполне выполнить своего назначения только в том случае, если содержащиеся в них мысли, новые ли только по форме или по содержанию, будут поняты, по крайней мере в основном, теми, кого я имел в виду при их опубликовании, – только при этом условии они, будь то одобренные или опровергнутые, могут служить на благо науки; так как в противоположном случае полезность их содержания теряется, а недостатки остаются в тонком действии. Во всех дошедших до меня оценках моих вышеупомянутых опытов утверждения, которые никогда не приходили мне в голову, были опровергнуты как мои собственные; другие же, выдвинутые мною самим, были доказаны против меня; то, что я отверг на основании, было принято как установленное, а то, что я выдвинул как установленное, было отвергнуто без доказательств; главная мысль была обойдена молчанием, второстепенные же понятия были изложены еще более подробно. Поэтому я решил отложить продолжение изложения системы элементарной философии, намеченное для настоящего второго тома, и вместо того, чтобы дальнейшим прямым обсуждением сделать то, что до сих пор было притворно, возможно, еще более необязательным, искать источники новых недоразумений отчасти в недостатках моей собственной работы, отчасти в ошибках предполагаемых оснований

до сих пор рассматриваемых философских наук.

Именно таким образом были реализованы первые три подхода в настоящего тома. Первая из них была написана по крайней мере за полтора года до публикации поучительной рецензии Энесидема (в «Allg. Lit. Zeit.») и напечатана в настоящих листах задолго до того, как она попала ко мне в стихах, если я не превратно понял основную мысль ее автора, который мыслит самостоятельно в чрезвычайно изящной степени, и особенно его возражения против предложения о сознании вообще как первом принципе элементарной философии.

Так мне удалось, наконец, быть понятым одним из моих общественных экспертов. Он поймет, что Его желание не останавливаться на моем прежнем фундаменте элементарной философии было и моим; что мы трудились друг для друга без предварительной договоренности, и что мы были заняты как помощники на одном и том же фундаменте, каждый в совершенно особых местах.

Если мне не удалось осуществить намерение второго очерка – довести различие и связь между основаниями настоящей и будущей метафизики до определенных терминов, то благодаря ему должно было стать очевидным следующее: 1) Почему до сих пор существовало несколько систем метафизики, а в будущем возможна только одна; 2) Как эти различные системы – сколько их – и почему только (глубокие, и никакие другие) были возможны; 3) Что является общим

для всех систем до сих пор, и чем каждая из них отличается от других; 4) В чем состоит сильнейшая и слабейшая сторона каждой из них; 5) Как, для того, чтобы обе определенно бросались в глаза, необходимо показать.

6) Что и почему ни одна из них не может быть опровергнута ни одной из других; 7) Что все они должны быть вытеснены будущей метафизикой, но лишь постольку, поскольку этим будет раскрыто заблуждение, общее для всех них, и утверждается то, что свойственно каждой из них. В третьей части делается попытка установить понятия скептицизма вообще и всех возможных его видов, а также ответить на вопрос: можно ли и в какой мере какой бы то ни было вид скептицизма противопоставить критицизму? Четвертый развивает понятие воли, установленное во втором томе «Писем о кантовской философии», в том, насколько оно может быть использовано для установления морали как науки с помощью «Критики практического разума».

Наука должна быть в согласии с Критикой практического разума. Метафизический вопрос, не затронутый ни в письмах, ни в этом трактате, об единстве причинности через свободу с причинностью через естественную необходимость, оставлен для другого случая. Остальные эссе содержат мои мысли об основах религии

(вместе с полным отрывком из философской книги Канта «Религия»), теории вкуса и критике чистого разума. Они уже были опубликованы в трех рецензиях в «A. L. Z.». Но жела-

ние нескольких друзей философии и их тесная связь с целью и планом этих материалов позволили им занять в них свое место.

Jena, den 26. März 1794

I. О различии между здоровым разумом и философствующим разумом в отношении основ знания, возможного с помощью обоих

О различии между здоровым смыслом и философским разумом. Относительно оснований воли.

«Нельзя сомневаться в том, что дух наделен определенными силами и способностями, что эти силы различны, что, если нечто действительно различается в непосредственном восприятии, оно может быть различено и путем размышления и что, следовательно, всем суждениям об этом предмете присуща истинность или ложность, и притом такая, которая не выходит за пределы человеческого разума....»

Давид Юм.

Проводится различие между познанием, проникающей силой, волей, для которых достаточно здравого понимания, и тем, для чего необходим философский разум.

Насколько разум погружен в опыт, причем частично в восприятия, частично во внутреннее, настолько же он определяется внешним видом; до тех пор он обозначается термином «разум», потому что в чувственном опыте он может действовать только через разум в его самом узком смысле, который непосредственно связан с чувственностью.

Слова разум и рассудок, при всей их прежней двусмысленности, сохранили общее значение, в котором каждое из них обозначает определенную способность мыслить, привязанную к неизменным формам, к особым законам. Теперь, когда рассматривается эта общность разума и рассудка, без учета того, что отличает один от другого, для этого обычно используется слово «разум», более широкое значение которого включает в себя и разум, и рассудок, и разум в более узком смысле, как в случае с выражением «просто здравый смысл».

Хотя слово разум иногда, но, на мой взгляд, всегда неправильно, воспринимается в смысле, в котором оно охватывает и разум, и способность к рассуждению (оба в более узком смысле), в выражении *philosophising reason* он обозначает способность к мышлению, которая отличается от разума в более узком смысле, и в той мере какой он постигается в особой функции, которая не принадлежит к общему разуму, содержащемуся в выражении «просто здравого смысла».

Я понимаю под разумом, в самом узком значении этого

слова, тот орган силы мысли, который имеет дело непосредственно с чувственными идеями и из них производит новые идеи, которые в самом узком значении называются понятиями и являются связями чувственных идей – под разумом, в самом специальном значении, тот орган силы мысли, который имеет дело сначала со сверхчувственными идеями и из них производит новые идеи, которые называются идеями и которые относятся либо через понятия и чувственные идеи к объектам внешнего опыта, либо непосредственно к воображающему субъекту и через него к фактам внутреннего опыта. Насколько разум занят в опыте, и притом отчасти в сенсорном, отчасти во внутреннем, настолько же он определяется внешним видом; пока что обозначается названием разум, потому что он может действовать в чувственном опыте только через разум в его самом узком смысле, который непосредственно связан с чувственностью.

Его также называют общим разумом, отчасти потому, что в этих функциях он является общим для философа и не философа (*communis*), отчасти потому, что не философ как таковой довольствуется этими функциями (*vulgaris*). Если же разум находится выше опыта и доискивается до причин самого опыта, то, таким образом, он занимается тем, что не мыслится в себе и для себя, а только через свои следствия в опыте, напротив, в той мере, в какой он является разумом, он остается вне опыта, В этом отношении он отнюдь не связан с разумом в узком смысле слова, но зависит толь-

ко от своей собственной самодеятельности, занят как разум в специальном смысле этого слова и называется философским разумом, в отличие от того занятия, в котором он называется простым обыденным рассудком.

Причины, которые возникают как таковые в самом опыте, называются эмпирическими. Они сами по себе всегда предполагают основания вне опыта, по отношению к которым они являются всего лишь следствиями. Поэтому все эмпирические причины сами по себе являются лишь относительными, а не абсолютными, не конечными и поэтому не являются достаточными причинами, удовлетворяющими философский разум.

Абсолютные или конечные причины следствий, возникающих в опыте, либо даны воображающему субъекту и поэтому также могут быть им рано или поздно открыты, либо они ему не даны и остаются для него всегда трансцендентными. В первом случае в опыте имеют место действительные, то есть ближайшие и непосредственные, следствия этих последних причин; сами они лежат в субъекте только как причины вне опыта, тогда как их следствия содержатся в фактах опыта, следовательно, внутри опыта.

Эти причины называются только трансцендентальными. Во втором случае в опыте всегда имеют место только опосредованные следствия последних причин, то есть такие следствия, которые сами могут быть выведены в опыте только из других причин и которые поэтому никогда не являются

ся непосредственными и действительными следствиями последних причин. Эти причины, следовательно, также являются беспримесными в качестве последних и называются трансцендентными.

Следующей данной причиной такого факта всегда является впечатление, производимое наблюдателем и, следовательно, основанное на субъекте, чья собственная причина либо вообще не может быть распознана в расположенном от нас объекте, который распознается только через это впечатление, либо может быть распознана только через другое впечатление, то есть через посредничество другой эмпирической причины, имеющей место в опыте наблюдателя.

Поскольку каждое чувственное впечатление предполагает причину, которая либо вообще не может быть обнаружена, либо может быть обнаружена только в другом чувственном впечатлении, разум никогда не может прийти к такой чувственной причине, которая, с одной стороны, была бы последней, а с другой стороны, имела бы свое следующее и действительное следствие в опыте. Последняя причина чувственного впечатления не дана в субъекте. Ни может быть принята за абсолютную последнюю в другом впечатлении, которое всегда предполагает причину, которая может быть распознана только через впечатление. Последняя причина, следовательно, никогда не может возникнуть в непосредственной последовательности в опыте и является трансцендентной в самом реальном смысле.

Совсем иначе обстоит дело с абсолютными и конечными причинами опыта, поскольку он зависит от воображающего субъекта, все, что предполагается для возможности опыта в субъекте, должно действительно существовать в нем, чтобы опыт стал реальным.

В этом отношении, следовательно, совершенно достаточные, следовательно, конечные причины опыта, в той мере, в какой они зависят от субъекта, должны быть даны в самом субъекте и должны существовать до всякого реального опыта. Но их непосредственные следствия должны иметь место в фактах опыта в той мере, в какой они зависят непосредственно от субъекта, и особенно в фактах внутреннего опыта как такового, как ближайшие следствия последних причин, которые не содержатся в качестве причин в опыте, но и не находятся вне субъекта опыта, а скорее должны быть даны этому субъекту, и постольку могут быть обнаружены и постигнуты через их ближайшие следствия.

Причины опыта, которые даны и содержатся в мыслящем субъекте, поскольку они зависят не от внешних объектов, а непосредственно от субъекта, являются трансцендентными в истинном смысле, т.е. содержатся как причины вне опыта, но в своих следствиях в самом опыте; поэтому опыт имеет постижимые и непостижимые причины. Это последние причины внешнего опыта, которые, поскольку они не могут быть даны ни в субъекте как причины, ни во внешнем опыте в своих непосредственных следствиях, являются абсолютно

трансцендентными, превосходящими всякое представление.

С другой стороны, они являются либо окончательными и абсолютными причинами, либо второстепенными и относительными причинами. Первые – трансцендентальные, как последние причины вне опыта, но содержатся в субъекте опыта и в своих вытекающих из опыта следствиях трансцендентальны, а в разуме они должны быть установлены в субъекте до опыта для возможности его, это причины априорные. Остальные присутствуют в самом опыте и потому сами являются опять-таки следствиями либо трансцендентальных причин, установленных априори в субъекте, либо эмпирических причин, данных субъекту извне во внешнем опыте, которые, насколько можно судить, не являются окончательными и конечные причины которых могут быть только трансцендентальными.

Эмпирические причины, таким образом, всегда распознаются как причины *a posteriori*; они, кстати, могут быть распознаваемы *a priori* как следствия трансцендентальных или как следствия эмпирических причин *a posteriori*. Трансцендентальная причина, с другой стороны, не является ни априорной, ни апостериорной. Эмпирические причины внутреннего опыта, в той мере, в какой он независим от внешнего опыта, могут быть прослежены как следствия трансцендентальных, следовательно, выведены из конечных причин; тогда как эмпирические причины внешнего опыта, в той мере,

в какой он независим от субъекта, могут быть снова выведены только из эмпирических причин, следовательно, никогда из конечных причин, если мы не хотим потерять себя в царстве трансцендентального.

Обыденное понимание довольствуется ближайшими причинами и поэтому остается с фактами опыта; философский разум занимается последними причинами и таким образом выходит за пределы фактов опыта к их причинам. До сих пор он заслуживал своего названия лишь постольку, поскольку искал конечные причины. Чтобы не искать эти причины наугад, а следовательно, путем многих неудачных заполнений, он должен был бы иметь совершенно определенное представление о своеобразном характере их, чего, однако, он не мог иметь раньше, когда он еще не открыл, наконец, по-настоящему эти причины сам (руководствуясь смутными представлениями о них (простыми предчувствиями. и составляемый сравнением своих неудачных попыток..

До этого момента он путал трансцендентальные причины то с эмпирическими, то с трансцендентными и вскоре поверил, что нашел последние основания в трансцендентных причинах.

Он искал их через эмпириков в реальном опыте, где путал следствия конечных причин, которые только и могут иметь место в опыте, с конечными причинами, которые должны мыслиться как таковые вне всякого опыта; принимал факты, для которых нужно было искать причины, за сами эти при-

чины, и вместо того, чтобы исследовать силы опыта, подчинял свои собственные силы притязаниям простого опыта.

Он искал конечные причины опыта через рационалистов вне всякого возможного опыта; и так как он не находил следствий якобы открытых причин в реальном и, более того, во внешнем опыте, то он объявил реальный внешний опыт, в той мере, в какой он зависит от чувственных восприятий, т. е. в той мере, в какой он является нашим опытом. За обманчивую видимость, чувственность – за простую неспособность ума, из которой ничего не может произойти как обман, понимание – за способность представлять себе вещи такими, какие они есть сами по себе, а разум – за способность представлять себе связь, определяемую в этих вещах самих по себе, и, таким образом, полагал, что нашел конечные причины, помимо субъекта, приносящего пользу, в царстве трансцендентного, в котором он уступил рассудку и разуму способность воображать трансцендентное, и полагал, что признал объективные конечные причины для представлений этих двух способностей, помимо субъекта, в вещах самих по себе. Через скептиков он обнаружил, что конечные причины опыта не могут быть обнаружены ни в реальном опыте, ни отдельно от всего возможного опыта, и слишком поспешно заключил из этого, что они вообще не могут быть обнаружены. Прикрываясь тем, что поиск и предположение таких причин абсолютно необходимы в силу ее собственной природы, он объявила все конечные причины трансцендент-

ными в первую очередь.

Как философствующий разум, он всегда разворачивался в сторону конечных причин. У своих догматических представителей он считал трансцендентные конечные причины постижимыми, которыми, как он полагал, обладают эмпирики через опыт, рационалисты – через разум. В своих скептических представителях он считал все реальные конечные причины трансцендентными и непостижимыми, полагая, что должен довольствоваться относительными причинами.

Таким образом, он постоянно ошибался в оценке трансцендентных причин, либо считая их трансцендентными и непостижимыми, либо полагая вместо них трансцендентные и непостижимые постижимыми. Открытие трансцендентальных причин было отведено им в лице его первого критского представителя, который сначала отличил последние постижимые причины от трансцендентальных, искал и нашел их не в реальном опыте и не вне всех возможных, а в воображаемом субъекте, и именно в определяемой в нем возможности опыта, в той мере, в какой он зависит от субъекта.

Кант говорит эмпирикам, что философствующий разум всегда должен исходить только из фактов опыта и класть их в основу своих возвышений конечных причин; однако он показывает им, что сам опыт вообще не содержит конечных причин и что следствия конечных причин, то есть

их непосредственные, надлежащие, единственно понятные следствия, могут возникать в опыте только из тех конечных причин, которые априори даны в субъекте.

Он признает за рационалистами, что философский разум ни в коем случае не может обнаружить конечные причины в опыте и особенно во внешнем, поскольку он зависит от чувственности; Но он показывает им, что постижимы только те конечные причины, непосредственные следствия которых проявляются в опыте, что эти причины не могут быть иными, чем условия опыта, данные в простом субъекте, поскольку опыт зависит от субъекта, а не от объектов, похожих на него, и что поэтому конечные причины, насколько они мыслимы и постижимы, не могут быть объектами, расположенными вне нас.

Он признает за скептиками, что конечные причины, которые ищут вне нас, трансцендентны и никогда не будут найдены; но он показывает им, что «реальный опыт, который они признают», не может быть определенно осмыслен иначе, как без различения внешних причин его возникновения, среди которых не может быть обнаружено никаких конечных, и тем более внутренних, которые должны быть полностью даны в субъекте, насколько это необходимо для возможности опыта, и должны заявлять о себе своими непосредственными последствиями в опыте.

Формы идей внешнего и внутреннего чувства (пространство и время), идей разума (категории) и рассудка (без-

условное единство), которые были впервые открыты и установлены в «Критике чистого разума», являются непосредственными следствиями, которые действительно имеют место в опыте, в той мере, в какой он зависит от воображающего субъекта, той последней величины, которая дана в субъекте до всякого опыта, а именно, способности чувства, понимания и рассудка, которая установлена в субъекте и связана неизменными законами, и которая должна быть предпослана для возможности опыта.

В то время как вполне доступные для познания конечные причины были неправильно поняты философствующим разумом, искавшим их в эмпиризме, рационализме и скептицизме, а также в разнообразных модификациях этих трех типов концепций, они постоянно действовали как всегда уже ранее существовавшие в благополучном субъекте, неостребованные и неизвестные (но по этой самой причине также не понятые) в обычном и здравом уме.

Их последствия всегда присутствовали в опыте; и как лучи света с незапамятных времен были причинами цветов и видимости, без и до того, как они были известны в этой железной штольне: так и трансцендентные причины опыта с незапамятных времен были причиной того неизменного и нетленного, что содержалось в человеческом знании, во всех его несовершенствах и ошибках.

Обычный и здравомыслящий человек, который в отношении истинности своих знаний всегда придерживается только фактов опыта, до сих пор неизбежно пользуется следствиями трансцендентальных причин, содержащихся в них, и поэтому руководствуется этими причинами, хотя и инстинктивно, но по этой самой причине гораздо более уверенно.

Поскольку у него нет необходимости исследовать абсолютные конечные причины, он остается в полном неведении о них, что защищает его от всех надуманных ошибок, которым подвержен философский разум в поисках этих причин и которые сами по себе относятся к условиям их обнаружения.

Поэтому даже обыденное познание, если оно здорово, обладает гораздо большей истиной, чем философский разум, пока он не озвучил последние понятные причины, которые ему совершенно необходимы для того, чтобы очистить и облагородить обыденное знание строго научными принципами. В поисках последних причин философский разум должен исходить из убеждений обыденного познания, которыми он может безопасно руководствоваться лишь в той мере, в какой они обоснованы.

Это уже само по себе всегда имеющее ограниченный характер здоровье, даже если бы оно было безупречным само по себе, должно было бы быть ослаблено в философе аберрациями философствующего разума.

Поэтому запросы этого разума должны встретить бесчис-

ленные препятствия на пути к своему счастливому успеху, частично через естественные ошибки общего познания, содержащиеся в исследуемых материалах, частично через заложенные в них искусственные ошибки, которые он сам вводит в эти материалы и в отношении которых этот успех может быть достигнут только постепенно и с запозданием.

Но как здравый смысл и философский разум ограничивают друг друга своими несовершенствами на пути развития культуры, так же они не менее поддерживают друг друга своим постепенно достигнутым совершенством, и ошибки здравого смысла так же часто отменяются более глубокими прозрениями философского разума, как ошибки последнего — здоровыми убеждениями этого рассудка.

В котором разум (под которым я понимаю здесь и разум, и разум в более узком смысле) является особой способностью разума, которая имеет свой особый и неизменный образ действия: постольку, поскольку он не содержит ничего, кроме чистых условий истины, зависит только от своих собственных законов и не подвержен никаким болезням, равно как и никаким степеням здоровья. Разум как таковой никогда не может ошибаться.

Но способность использовать разум, помимо законов, которыми неизменно определяется чистый или простой разум, также связан с другими, более того, очень изменчивыми условиями, и в той мере, в какой он зависит от них, под-

вержен болезням и способен к бесчисленным степеням здоровья.

Способность использовать разум частично зависит от физических условий, организации, расположения и природы инструментов внешних чувств, нервов, мозга и так далее, отчасти от психологического состояния эмпирических способностей разума, чувств и сенсорных нервов, воображения, фантазии, памяти, способности обозначения и т.д.; и природы этих способностей, измененных как талантом, так и культурой; отчасти от морального состояния свободы воли, как через прямое влияние решения, так и посредством влияния произвольных и необузданных склонностей на наши суждения; отчасти от условий, существующих совершенно вне человека, или внешних обстоятельств, которые предполагаются как для произвольных и произвольных проявлений всех способностей ума, так и для культуры этих способностей во внешнем опыте.

Ввиду этих условий, здоровье и болезнь разума являются либо моральными, либо психологическими, либо и теми, и другими одновременно. Ибо всякая болезнь разума состоит в ограничении его использования; а это заложено либо только в самом субъекте, и то отнюдь не в трансцендентных способностях, связанных неизменными законами и непогрешимых, но в свободе личности, либо помимо субъектов в подвергающихся эмпирическим изменениям и сверху определяемых способностях. В первом случае, поскольку

каждый акт воли предполагает использование рассудка, их высказывания являются злоупотреблением; во втором случае, поскольку применение неизменных законов отчуждает здоровье от эмпирических способностей ума, они являются более или менее бесполезным использованием рассудка.

Моральная болезнь разума, правда, не может быть связана с совершенным здоровьем эмпирических способностей разума, которое, хотя и не невозможно само по себе, было бы невозможно из-за злоупотребления одной лишь свободой: — но со значительной степенью этого здоровья, от которого зависит блеск разума, который ни в коем случае нельзя путать со здоровьем того же разума.

Использование способности непосредственно производить понятия из чувственных впечатлений, или разума в узком смысле слова, является неизбежным следствием силы мысли, поскольку она связана, с одной стороны, с формами чувственных представлений (пространство и время., а с другой — с формами понятий (категории.; и поскольку оба вида форм неизменны, обусловленное ими выражение понимания единообразно, непогрешимо, универсально достоверно, а само познание не способно ни на какие заболевания по отношению к ним.

Ясные, но неотчетливые, конкретные представления об отдельных объектах внешнего опыта, в той мере, в какой они не выработаны путем рефлексии, содержат в сознании самого беспечного невежды и самодура первого ранга

точно такое же содержание, которое, помимо эмпирического содержания, создаваемого внешними впечатлениями, вытекает также из трансцендентальных характеристик объекта, темно представленных в общем представлении о нем, также из трансцендентальных характеристик экстенсивного наибольшего (по отношению к видимому, интенсивного (по отношению к разумному, субстанциального (по отношению к тому, что может быть помыслено в явлений и т.д., которые априори определены в чувственности и понимании и темно представлены в общем понятий объекта. и т. д., складывается. Мыслящий и самостоятельно мыслящий представляют себе одну и ту же вещь одинаковым образом при этих характеристиках, если только они не используют их иначе, чем конкретное, произвольное и неизбежное использование, которое является необходимым и непосредственным следствием трансцендентальных законов чувственности и рассудка, с которыми связан мыслящий субъект и через которые внешний опыт со всей изменчивостью его содержания, зависящего от одних впечатлений, получает установку, определенность и общую действительность.

Но поскольку эти трансцендентальные атрибуты используются уже не простой чувственностью и разумом в узком смысле (рассудком – А.В.), а разумом, то сразу же возникает случай, когда они должны быть представлены обычным познанием и философским разумом принципиально иным образом.

Тот, кто даже в своих более абстрактных понятиях никогда не выходит за пределы фактов опыта, все равно в своих рассуждениях мыслит эти признаки как неизвестные составные части эмпирического прежде чем получить способ исцелить себя, интересуется разумными и яркими признаками, и всегда может сделать их понятными для себя только через чужие признаки, через примеры, но не через свои собственные.

Другой, напротив, по своей природе должен всегда продвигаться к предельно постижимому, искать конечные основания фактов, в которых проявляются трансцендентальные характеристики, и сразу же бороться за чистые понятия этих характеристик, отделив их от всего эмпирического.

Но в этих попытках он должен считать трансцендентальное нечистым и, следовательно, неверным, пока ему еще не удалось отделить в своих представлениях о нем случайное от существенного, то, что создано из впечатлений, от того, что априори основано в самом субъекте, и тщательно отделить трансцендентальное от чисто эмпирического.

Обыденное познание (конкретной формой обыденного познания является «**здравый смысл**» – А.В.) никогда не расходится с самим собой относительно трансцендентных и отчасти только метафизических характеристик физическо-го мира, по той простой причине, что оно может представить их себе только как неизвестные компоненты физического, только в конкретном, следовательно, никоим образом

не как метафизические предикаты; в то время как философствующий разум очень часто не соглашается с собой даже относительно физических характеристик, в мудрых попытках подчинить их метафизическим, как высшим принципам, которые оцениваются им многообразно до тех пор, пока он не подчиняет их характеру трансцендентных (т.е. таких, какими они являются в Авансирующем Подчинении. принципов. Первое – это метафизические принципы, которые он пытается подчинить метафизическим, как высшим принципам.

Разум в самом узком смысле (рассудок – А.В.) допускает только одно возможное применение, а именно, в связи с чувственностью, априорно заложенной в простом субъекте, для осуществления опыта, поскольку он зависит от субъекта. Это использование, которое, в силу того, что оно определено до всякого опыта в субъекте, называется трансцендентальным, в реальном осуществлении все время является детерминировано эмпирическим и конкретным.

Разум способен лишь связать воедино чувственно представляемое, индивидуальное, не будучи в состоянии вновь разорвать эту связь; наложить свой отпечаток на видимости (чувственно представляемые объекты., не осознавая их отдельно; подчинить ощущаемое и рассматриваемое своим законам, не возводя сами эти законы в объекты особых идей. Только разум, обладающий прерогативой исследовать и познавать себя и все другие способности ума, способен сделать

то, что для него невозможно.

Разум, как общий разум, общий для философов и нефилософов, также имеет, как и понимание в узком смысле, свойственную ему роль в опыте. Как разум в связи с чувственностью (которая связана с пространством и временем как своими трансцендентальными формами. сначала делает возможным внешний опыт, поскольку он зависит от простого субъекта: так и разум, через который один только простой субъект всякого опыта (ни в пространстве, ни во времени, следовательно, ни как нечто вне нас, ни как изменение, мыслимое в нас. может быть непосредственно представлен, делает возможным внутренний опыт как таковой, в котором он понимается не просто как состояние необдуманного чувства, но как воплощение фактов самосознания.

Я называю трансцендентальными законами разума неизменные направления действия разума, определенные в простом субъекте, или законы, с которыми этот субъект связан в тех переживаниях, посредством которых внутренний опыт, в той мере, в какой он зависит только от субъекта, становится реальным.

Они применяются в фактах самосознания разумом, так же как трансцендентальные законы разума применяются в явлении – опыте, без предварительного представления, неосознанно и неизбежно.

И не философ, и философ, если оба остаются при одном лишь размышлении о фактах своего самосознания, не рас-

суждая о причинах этих фактов, вынуждены по трансцендентальным законам разума, применимым только к внутреннему опыту, отличать предмет внутреннего опыта от всех предметов внешнего опыта, а в этом отношении и от тела, и отказывать ему во всех свойствах, присущих предметам внешнего опыта, как таковым: протяженности, непроницаемости, фигуре и пр. и т.д. и, следовательно, противопоставлять душу телу и мыслить ее через отрицание телесных качеств.

При трансцендентальном использовании разума, который ограничен только внутренним опытом как таковым, — как и при использовании ассоциации в самом узком смысле, которая ограничена только внешним опытом, как таковым, — возможны только ясные и в то же время неотчетливые представления: при понимании — отдельного субъекта всего опыта и фактов внутреннего опыта, насколько это также зависит от простого субъекта.

Ибо от этого употребления происходят представления, которые субъект всякого опыта и внешние объекты составляют относительно предметов, и эти предметы по этим представлениям первоначально и индивидуально, следовательно, только ясно представляются.

Развертывание содержания этих представлений, разложение полного представления на частичные представления, одним словом, производство ясного представления из неясного, предполагает совсем другие операции разума, которые

также приписываются разуму путем вычленения и обозначаются именем *résonnement*, являются общими для него как в философском, так и в обыденном употреблении и составляют логическое его употребление, которое до сих пор путали с трансцендентальным.

Трансцендентальные операции разума, как и понимания, всегда только синтетические, потому что через них производятся все целостные представления. Логические операции разума, напротив, всегда аналитические, потому что через них только развертываются тотальные представления; в том, что разум в рассуждении растворяет тотальные представления, которые тот же самый уже предполагает, соединяя в их содержании то, что может быть соединено, и этим действием отделяет в сознании то, что не может быть соединено, то, что противоречит самому себе.

В трансцендентальных операциях разум и понимание детерминированы, поскольку они порождают, устанавливают, проявляют содержание идей в той мере, в какой оно зависит от субъекта (через формы идеи, непосредственно заложенные в субъекте.. В логических операциях рассудок лишь рефлектирует, поскольку предполагает содержание идей (как трансцендентальных, так и эмпирических. как уже имеющееся и доводит его до ясного сознания лишь посредством направления внимания на его компоненты.

Трансцендентальными операциями разума и существования возможны только конкретные представления – об от-

дельных объектах, логическими операциями разума возможны только абстрактные представления о характеристиках этих объектов, и каждое абстрактное представление, каждое представление о неиндивидуальной вещи порождается только логической операцией, постольку является логической идеей.

Рассуждение (или логическое рассуждение) произрастает и расцветает только с помощью языка через слова, которые оно предполагает и которыми оно само вновь предполагается.

Слова – это знаки мыслей, следовательно, чувств, ощущений и восприятий, а также реальных объектов, которые отличаются от них и от всех мыслей только посредством мыслей. Они обозначают только тот объект, который они передают: мысль о нем, и передают только логическую, т.е. абстрактную мысль, которая была выведена рефлексивным разумом из уже существующей конкретной идеи и которая может стать конкретной только в непосредственном отношении к данной конкретной идее.

Каждый воображаемый субъект может быть опосредован только воображаемой характеристикой, следовательно, каждая конкретная идея: именуемое абстрактным, словом. Каждое слово, следовательно, всегда отсылает сначала и непосредственно к логической мысли, и как эта мысль уже са-

ма по себе есть последующее и действительное значение слова, так и она может быть удержана в сознании только в том смысле, в каком она есть значение слова, следовательно, только через слово, и быть отправлена для продолжения *résonnement*, для дальнейшего расчленения.

Значение слова или логической мысли бывает ясным, когда абстрактная мысль относится непосредственно к конкретной мысли, из которой она возникла, и, следовательно, характеристика представлена как содержащаяся в объекте; – отчетливым, когда абстрактная мысль относится к другим абстрактным мыслям, возникшим из нее, когда представлена характеристика признака, и, следовательно, значение слова развивается через абстрактное содержание мысли. Ясная мысль производится непосредственно из конкретного, ясная уже из абстрактного представления; ясное значение слова зависит от непосредственного представления о предмете; ясное зависит от абстрактной мысли о характеристике.

Первые слова в процессе изменения языка могли обозначать не что иное, как четкие логические мысли, абстрагированные непосредственно от индивидуальных представлений об объектах внешнего опыта.

Значение этих слов определялось конкретными представлениями об отдельных объектах, а выбор слов – сходством звучания с характеристикой отдельного объекта, почерпнутой из опыта. Произнесенные в спешке слова могли быть не чем иным, как естественными знаками, при определе-

нии которых разум придерживался непосредственного опыта, благодаря чему значение слов (обозначающих громкие индивидуальные объекты по ближайшим характеристикам. было зафиксировано и защищено от неопределенности.

Но язык и рассуждение не могли долго оставаться на этом грубом начальном уровне. Путем дальнейших размышлений нужно было поднять четкую мысль до ясной, и она уже не могла определяться конкретной идеей, из которой она возникла, а только абстрактными, которые были порождены ею.

С этой более высокой абстракцией, по мере ее дальнейшего продвижения, возникала все более настоятельная потребность в новых мыслительных знаках для обнаруженных характеристик, причем разум уже не мог непосредственно придерживаться опыта в выборе этих знаков, но должен был опираться на воображение в той мере, в какой он поднимался в своих абстракциях выше конкретного индивидуального опыта.

Чем больше их значения повышались от более конкретных к более абстрактным, тем меньше разум должен был полагаться на опыт в их изобретении, и тем больше ему помогало воображение, тем дальше уходило понимание от обычных представлений в опыте.

Подобно тому, как значение слова становится ясным только при конкретном мышлении, так и оно становится ясным только после абстрактного мышления и последующего

углубления абстракции. Поэтому абстрактное значение слова должно уже существовать как таковое, прежде чем оно может быть поднято до ясной мысли посредством дальнейшего расчленения его содержания.

Если до этого расщепления воображение внесло в расчленяемую абстрактную мысль, в ее обозначение, те определения, которые не вытекают ни из реального опыта, ни из трансцендентальных условий этого опыта, не основаны ни на априорном, ни на априорно данном: тогда содержание мысли является неверным и ни в коем случае не может стать верным посредством простого расчленения.

Позиция, выражающая это расчлененное содержание и приписывающая объекту неверную характеристику, считается истинной именно потому, что ее предикат уже содержался в понятии объекта и поэтому был разрешен в суждениях в соответствии с законом противоречия.

Так, например, каждый философ, расчленяя идею субстанции, находит в ее содержании характеристику протяженности и заполняет пропозицию: Всякая субстанция протяженна; это суждение он считает абсолютно необходимым и использует как основу для установления общего материализма.

Предикатное расширение уже было в его понятии субстанции до препарирования. Поэтому он должен был найти его через расчленение и в суждении о субстанции. В первый раз он должен был найти его через препарирование и в суж-

дении о субстанции. По одному лишь трансцендентальному закону свойство протяженности приписывается только той субстанции, которая видима в пространстве, и только в той мере, в какой она видима в пространстве; и причина, по которой это свойство вообще было включено в значение слова субстанция, лежит только в воображении, которое соединяет вместе те свойства, которые часто встречаются рядом друг с другом, и представляет их как связанные.

Каждая ошибка – это, конечно, логическое суждение, то есть такое, которое возникает в результате размышления и абстракции, и в этом отношении оно невозможно без логического использования разума. Но можно сильно погрешить против разума, если считать его источником ошибок даже в его логическом использовании.

Следующим источником всякой ошибки является воображение, которое, по мере того как мысли рефлектирующего, абстрагирующего, анализирующего разума становятся все более абстрактными, внушает ему надуманные материалы в содержании абстрактных мыслей, материалы, не имеющие основания ни в опыте, ни в предмете, и в этом отношении является непосредственной причиной того, почему самое правильное расчленение подтасованных мыслей дает неправильные признаки, которые тем более уверены в своей правильности, чем больше мыслитель знает о точно соблюдаемых логических правилах.

Это открытие стало возможным только благодаря дли-

тельному логическому использованию разума, благодаря рациональности, которую многие его представители сохраняли на протяжении тысячелетий. Он может абстрагировать трансцендентальные характеристики только от фактов опыта, следовательно, только от эмпирических предвзятых представлений. Абстрактные эмпирические представления, через непрерывное расчленение которых он должен постепенно приближаться к трансцендентальным характеристикам, сохраняются, однако, только в уже существующих значениях слов, зафиксированных без знания трансцендентального, в определении которых, пропорционально тому, как они более удалены от конкретного индивидуального опыта, воображение также имеет большую долю; Способность ума, который ни в коем случае не связан сам по себе с трансцендентальными законами, но может быть подчинен им только постепенно и через многие безуспешные попытки.

Чем больше воображение, определяя значение слова, которое должно предшествовать логическому расчленению и предполагается им, отклоняется от действительного смысла трансцендентных законов и просто работает по своим собственным законам (так называемая ассоциация., тем более неверным становится значение слова и содержащаяся в нем мысль, и тем дальше продолжается расчленение таких мыслей, Чем больше продолжается расчленение таких мыслей, тем больше умножаются искусственные ошибки, вытекающие из фундаментальной ошибки, и новые ко-

нечные предложения, используемые в качестве принципов науки, которые получаются здоровыми в результате такого расчленения, оказываются пораженными неопределенностью и неправильностью, которые не могут быть исправлены всеми рассуждениями, и пагубные последствия которых могут быть предотвращены только спорами философов о смысле таких принципов.

Так, например, если воображение внесло в значение слова причина («то, посредством чего определяется другая вещь»), до начала рассуждения, признак другого, определяемого в одной вещи, и, следовательно, единственного другого, возможного через посредство одной вещи: тогда, посредством рассуждения, достигается заключение, которое отменяет всякую действительную свободу воли, и оно используется как принцип морали, естественного права и всех наук, связанных с ним, и становится пагубным. В то время как, если рассматривать разум как не что иное, как то, посредством чего определяется другое, то, безусловно, можно представить себе разум, которому не дано ни одного возможного образа действий, который, следовательно, может определять одно и то же для себя, и который, следовательно, является тем, посредством чего можно определить то или иное другое. В то время как если рассматривать под основанием не что иное, как то, что определяет другое, то, возможно, даже мыслима причина, которой не дано единственно возможного способа действия, которая, следовательно, может опре-

делять сама себя и которая, следовательно, является вещью, посредством которой то или иное другое может быть определено.

Чем больше абстрактная мысль приближается к конкретике опыта или чем непосредственнее она связана с определенным, видимым представлением, тем больше воображение связано с ее обозначением, тем меньше оно атакует себя, и значение слова возвышается над всей двусмысленностью и неопределенностью благодаря ясности конкретного, а определенность объекта, на который смотрят, – над значением слов: В значении слов дерево, золото, слоновая кость так же мало неправильного толкования, как и в содержании понятия треугольник, церковь и т.д., и несмотря на то, что в понятиях: и хотя термины дерево, золото, слоновая кость и т. д. содержат, кроме эмпирических характеристик, созданных впечатлениями, также трансцендентальные характеристики количества, качества, протяженности, субстанции и т.д., но они могут присутствовать только темно, без сознания, и ни в коем случае не как характеристики, следовательно, не как логические составляющие в конкретных идеях; но только как необходимые эффекты трансцендентальной способности ума, через которую, взятые вместе с эмпирической субстанцией, возникают конкретные идеи.

Трансцендентальные характеристики здесь вообще не перечислены, и логически, следовательно, постольку не являются ни правильными, ни неправильными; в то время

как, поскольку они используются абстрактно, они являются неправильными, пока философский разум не отделил в них трансцендентальное от эмпирического. Чем больше абстрактная мысль отходит от конкретности чувственного опыта или от непосредственной связи с определенным чувственным наблюдением, тем меньше воображение занято ее обозначением (до открытия трансцендентальных законов., тем больше оно предоставлено самому себе и влиянию случайных обстоятельств, которые порождают патологическое, физическое, психологическое подобие, фальсифицирующее материалы высшей абстракции и значения слов.

Тем труднее становится философскому разуму утверждать логические и трансцендентальные законы против обманов воображения в более точном определении использования языка. В этой созданной вещи споры самостоятельно мыслящих людей между собой столь же необходимы, сколь и неизбежны.

Воображение, не подчиняющееся неизвестным трансцендентальным законам и определяющее значения слов тем более произвольно, чем более абстрактны они, по этой причине вынуждено изменяют их у разных мыслителей по-разному, и слова: субстанция, причина, действие, необходимость, свобода – по этой причине должны принимать всевозможные значения и вызывать споры, пока не будет открыт их действительный трансцендентальный смысл.

В поисках последних постижимых причин философский разум не может обойтись без понятий об актах разума, и успех его исследований зависит от определенности этих понятий. Поэтому он должен исходить из фактов внутреннего опыта, к которому относятся умственные акты как таковые и из которого только и могут быть получены понятия о них. Слова, которыми обозначаются понятия фактов внутреннего опыта, первоначально заимствованы из понятий зрительного опыта и перенесены на них.

Сходство, ощущаемое между внешним видом и внутренними фактами, является единственным правилом, согласно которому воображение может удерживать для разума знак мысли, который, при первоначальном определении использования языка для понятий внутреннего опыта, должен был быть высечен из понятий внешнего вида. Слова: идея, восприятие, концепция до сих пор несут на себе отпечаток своего метафорического происхождения.

Было совершенно неизбежно, что воображение, обозначая более конкретные и грубые понятия умственных операций (из которых рассудок должен был создать более абстрактные и разумные., должно было взять на себя образы потребляемого опыта, которые, в более мудрых из них содержали многое, что было свойственно и присуще только потребляемому опыту, должны были терять материалы рассуждений о фактах внутреннего опыта уже в более конкретных понятиях.

Отделить материал, принадлежащий только внешнему опыту, от того, что свойственно внутреннему, отделить его от понятий фактов простого самосознания и таким образом очистить его в соответствии с понятиями операций разума (как логических, так и трансцендентальных, является самым трудоемким, но необходимым достижением философствующего разума.

Насколько медленно должно протекать это дело, которое большинство философов, конечно, все еще считают невозможным, видно уже из того, что оно всегда должно основываться на использовании языка, который исходит из более или менее вымышленных и единых понятий, и что философский разум только тогда имеет надежное руководство в этом очищении, когда ему удалось установить по крайней мере одно полностью очищенное понятие, и притом высшее из всех возможных.

Значение слова является метафорическим до тех пор, пока слово не обозначает мысль непосредственно, а является посредником другой мысли, сходной с ней.

Мысль, которая могла бы мыслиться только через метафорическое значение своего слова, ни в коей мере не представляет особенной характеристики своего объекта и содержит не действительное, а только символическое знание, которое у более сообразительных принимается за действительное, является ошибочным и порождает ошибки. До тех пор, пока слово, употребляемое для обозначения мысли о факте

внутреннего опыта, действительно обозначает его только посредством мысли о факте внешнего опыта, до тех пор, пока мысль об операции ума может быть мыслима только посредством метафорического слова-значения, мысль, коль скоро она не содержит ни одной характеристики, свойственной ее объекту, представляет собой не действительное, а лишь символическое знание о нем, и в той мере, в какой метафорическое значение слова считается свойственным расчленению мысли, более абстрактные характеристики, полученные при расчленении, оказываются неверными.

Пока в значениях слов: идея, восприятие, представление и т. д. сохраняются характеристики, более или менее запечатленные внешним опытом, эти слова не будут указывать только на то, что свойственно простым операциям ума. До тех пор, пока эти слова не будут просто обозначать все то, что свойственно простым операциям ума, пока они не перестанут полностью быть метафорами, до тех пор не будет чистых, совершенно определенных, правильных понятий воображения, представлений и понятий; и не следует удивляться грубым мыслям и разнообразию объяснений, которые и сегодня выдвигаются более известными философами профессии по поводу значения слов воображение, представление и вообще объектов внутреннего опыта.

Я называю те способности ума, которые могут мыслиться как существующие в субъекте самосознания только через связь (известную реальному опыту этого субъекта с органи-

зацией, эмпирическими. Действия этих способностей никогда не могут быть поняты без действий организации, которые как таковые относятся к внешнему опыту. Поэтому в понятиях этих способностей всегда содержатся характеристики, которые непосредственно относятся к изменениям в организации, и поэтому они взяты из фактов внешнего опыта. К способностям такого рода относятся, например, воображение, память, способность обозначения (все знаки мысли сами по себе являются образами внешнего, эмпирического восприятия, модифицированного органами, и не могут, при любом их использовании субъектами, быть привязаны к этой изобразительной субстанции без изменений в организации воображения..

Поэтому концепты выражений всех этих эмпирических способностей ума не только требуют для своего обозначения метафорических имен, происходящих от концептов внешнего опыта, и не только содержат образы внешнего опыта в их сыром состоянии как метафорические словесные значения, но и не могут обойтись без характеристик, принадлежащих внешнему опыту в их последующем развертывании.

Концепты выражений всех этих эмпирических способностей ума поэтому не только требуют для своего обозначения метафорических имен, происходящих от концептов внешнего опыта, и не только содержат образы внешнего опыта в их сыром состоянии как метафорические слова-значения, но и в своем последующем развертывании не могут обой-

тись без характеристик, принадлежащих внешнему опыту, поскольку такие характеристики также всегда должны содержаться среди своеобразных определений концептов эмпирических способностей ума.

Совсем иначе обстоит дело с трансцендентальными способностями ума. Они могут мыслиться в субъекте только посредством совершенно беспрепятственных и правильных понятий, постольку, поскольку можно и нужно полностью абстрагироваться от связи этого субъекта с организацией; потому что это те способности, которые должны быть предпосланы в просто обладающем преимуществами субъекте для возможности опыта вообще.

Прежде всего, я хотел бы сказать, что я не хочу быть в этом случае жертвой. В понятиях этих способностей не может возникнуть ни одна особенность внешнего опыта, потому что эти способности лежат в основе всего опыта *a priori*.

Трансцендентальная чувственность, например, должна мыслиться как: «способность субъекта (чем бы она ни была сама по себе. приходить к идеям»); при этом полностью абстрагируясь от того, должен ли субъект быть вообще в состоянии прийти к идеям;

В результате осознания факта самосознания обладающий всеми преимуществами субъект отличается от организации, насколько это мыслимо, как от внешнего объекта, который, хотя и находится в вечной связи с субъектами, познаваемый через опыт, должен, насколько он может быть воспри-

нят в пространстве, быть причислен к объектам внешнего познания.

Состояние, которое может быть предоставлено субъектам только с учетом представленной организации, приходит к ним только через реальный опыт, является эмпирическим состоянием субъекта; в то время как то, что должно быть свойственно субъектам с простой, но определенной возможностью управлять собой и вещами, находящимися вне его, должно быть присуще субъекту в том же, независимо от реально представленной организации, априори мыслится и трансцендентальное достояние субъекта.

Поскольку эти способности могут заявить о себе непосредственно только в самих фактах самосознания и в операциях субъекта, следовательно, только в простом внутреннем опыте.

Поскольку эти способности могут непосредственно проявляться только в фактах самосознания в операциях субъекта, а значит, только в простом внутреннем опыте, понятия о том же самом не могут быть чистыми, но то, что здесь называется одним и тем же, может быть правильным, а их объекты подходящими, пока философский разум еще не сумел удалить из смысла слов, которыми обозначаются эти понятия, все образы, заимствованные из внешних представлений, и превратить первоначально метафорическое значение этих слов в собственно фразеологический смысл.

Возможно, по крайней мере в такой степени разуму это

удалось уже сейчас, когда под понятием он вообще не мыслит себе ничего, кроме существования: того, что в сознании отличается от объекта и субъекта и соотносится с обоими

Считается, что понятие философского знания было достаточно определено, в том смысле, что оно называется знанием из принципов, и в этом качестве отличается от исторического знания, как знания из фактов. Но поскольку значение слов, встречающихся в этом утверждении, не что иное, как совершенно определенное; поскольку каждое слово в нем используется для обозначения более чем одного понятия: поэтому согласие философов по этому утверждению было лишь кажущимся, касалось только формулы, а при более внимательном рассмотрении его смысла превратилось в споры. Каждое общепринятое объяснение служило скорее для сокрытия прежнего отсутствия совершенно определенного понятия, чем для его исправления.

Если под познанием из принципов понимать познание в той мере, в какой оно происходит на основе признанных, абсолютно неизменных оснований, и если под принципами понимать не просто законы познания сами по себе, а в той мере, в какой они признаны как таковые, представлены определенными понятиями, обозначены словами и выражены в предложениях: знание на основе таких принципов всегда искали, но его никогда не существовало, поскольку, кроме логических правил мышления, которые касаются только ло-

гической формы знания, простого рассуждения, и кроме математических аксиом и постулатов, которые ограничиваются определением описательных величин, не были установлены принципы, которые не становились бы спорными, как только их значение обсуждалось.

Логические правила, которые касаются только построения, но ни в коем случае не определения реального содержания мыслей, иногда рассматривались как единственно возможные бесспорные фундаментальные законы знания, а иногда путались со спорными (метафизическими.; и даже метафизики, полагавшие, что они обладают в своей онтологии наукой о первых, а на самом деле реальных основаниях знания, смогли лишь обеспечить догматы этой науки с некоторым мастерством, незаметно для всех подставив логические правила в качестве реальных оснований своих доказательств.

Выражение познание из принципов становится еще более неопределенным, если понимать под принципами: каждое суждение, связанное с сознанием необходимости, которое берется за основу для других суждений.

Такие принципы являются надстрочными в каждом рассудочном выводе, принадлежат к логической форме каждого рассудочного познания, являются общими для общего понимания с философствующим разумом; и поэтому могут составлять действительный характер философского познания даже в меньшей степени, чем логические правила.

Это именно те предложения, о значении которых нет ничего определенного, пока применение логических правил к реальному содержанию мыслей является спорным. До сих пор можно было быть очень большим знатоком логики, да! через нее и очень большим толкователем, и в то же время очень маленьким философом. Подлинное философское знание из принципов всегда ведет себя как знание самих философских принципов.

Если понимать под принципом вообще всякое необходимое и общее утверждение, которое содержит причину других утверждений, то сначала нужно ответить на вопрос: какие из этих утверждений являются собственно философскими? или: в чем состоит необходимость и всеобщность, свойственная философскому принципу? Прежде всего, необходимо знать, в чем она не заключается. Каждый философский принцип, конечно, является необходимым и общим утверждением; но не каждое такое утверждение является философским принципом.

Каждое философское утверждение должно обладать логической необходимостью и всеобщностью. Но не всякая пропозиция, обладающая ими, является поэтому философской. Всякое философствование есть рассуждение, т.е. логическое дело разума приводить к сознанию содержания мыслей путем их расчленения. Но не всякое рассуждение является философским.

Пропозиции, необходимость и всеобщность которых яв-

ляются простым следствием аналитического использования разума, рассуждения, если они не имеют, кроме того, необходимости и всеобщности, основанной в другом месте, столь же мало философские, как и те, которые, при всей их логической истинности, истинны в самом деле, если за эту истинность не ручается реальная причина, отличная от их логической закономерности.

Так, например, утверждение: все субстанции протяженны выводится путем деления понятия субстанции, в котором признак протяженности присутствовал еще до логического суждения; и это утверждение в некоторой степени обладает необходимостью и всеобщностью, которые основаны исключительно на разделении этого понятия.

Я не могу думать о какой-либо субстанции как о непротяженной, если, расчлняя мое понятие субстанции вообще, я обнаруживаю, что я уже думаю о протяженности в самой субстанции и вместе с ней.

Но эта необходимость и всеобщее успокоение вовсе не имеет места для тех философов, которые не включили характеристику протяженности в свое понятие субстанции вообще до ее расчленения. Если бы предложение о том, что все субстанции протяженны, имело нечто большее, чем логическая необходимость и всеобщность, то должна была бы быть указана причина, почему свойство протяженности должно было быть включено в понятие субстанции вообще до ее расчленения. Благодаря осознанию этой причины и тому обстоя-

ательству, что она действительно была бы необходимой и общезначимой причиной, только это предложение могло бы стать подлинно философским предложением.

Кроме того, чисто философская необходимость и всеобщность никогда не могут быть просто гипотетическими. Поскольку поиск и открытие абсолютных и конечных умопостигаемых причин составляет особый характер философского разума, необходимость и всеобщность предложений, посредством которых эти причины выражаются, должны быть абсолютно абсолютными. Чисто философские принципы – это предложения, которые выражают абсолютные, следовательно, абсолютно необходимые и общие причины, и поэтому их следует называть абсолютными принципами.

Эта абсолютная необходимость и всеобщность разума, которую демонстрирует такая пропозиция, предполагает, конечно, рациональность, чтобы быть найденной; но она ни в коем случае не может, подобно логической, быть порождена ею. Таким образом, необходимость и всеобщность пропозиции: «Все животные являются органическими и обладающими воображением существами», является не чем иным, как чисто философской.

Причина, по которой воображение и организованность связаны в понятии животного, есть не что иное, как абсолютно необходимый и общий, однако, факт внешнего опыта.

Необходимость и всеобщность утверждения само по себе являются просто логическими, просто полученными пу-

тем рассуждения, а не найденными; и они являются более чем логическими только в той мере, в какой они относятся к историческому факту. Но именно по этой причине оно также не является чисто философским. Определение животного по своему содержанию является просто исторической истиной.

С другой стороны, утверждение о том, что каждый познаваемый объект (который может быть одновременно представлен рассудку и чувствам, является в отношении того, что из него возникает, следствием какого-нибудь другого, является чисто философским принципом и содержит абсолютную, а не просто логическую необходимость и всеобщность.

Содержание этой пропозиции выражает не исторический факт, а закон способности познания, определенный априори в рамках простого чувства и простого понимания. Оно является следствием способности познания, которая определяется в субъекте до всякого реального опыта и независимо от него.

Единственное, что можно назвать трансцендентальным, в отличие от логического и гипотетического, это то, что содержание предложения не является ни логическим правилом рассуждения, ни историческим фактом, но оригинальным законом способности воображения, то есть способности, которая должна быть предпослана априори в простом субъекте для возможности внешнего и внутреннего опыта.

Попытка философствующего разума: установить позна-

ние из принципов, или, что в той же мере означает, познать что-либо посредством абсолютно конечных причин, до сих пор удавалась лишь постольку, поскольку этот разум приближал смутное сознание трансцендентальных законов к ясному.

Знание – это познание с осознанием достаточных причин. Для обыденного знания, которое является ближайшим к философскому знанию, достаточными являются только последние причины. Последние причины, среди которых я здесь привожу только постижимые, являются либо относительными, т.е. последними, которые были открыты до сих пор и которые предполагают еще более высокие, либо абсолютно последними, которые могут быть открыты и не имеют над собой более высоких постижимых причин. Абсолютно последние постижимые причины устают в сознании, но могут существовать и быть действенными без всякого ясного сознания. Философский разум также предполагает эти причины как реально данные и стремится к их осознанию, чтобы через них поднять обыденное знание до научного.

Пока философский разум своим всемогущим прогрессом еще не открыл данных абсолютных конечных причин, он принимает относительно конечные причины за абсолютные, просто предполагаемые за данные – заблуждение, о котором достаточно свидетельствует его несогласие с самим собой, в спорах между его представителями и в разнообразии уста-

навливаемых ими предполагаемых конечных причин.

Ни во внешнем опыте, насколько он зависит от внешних впечатлений, ни во внутреннем опыте, насколько он зависит от внутренних впечатлений, не могут быть даны и открыты абсолютные конечные причины. С этой стороны материалы человеческого познания способны к непрерывному росту; открытые до сих пор причины опыта всегда являются следствиями других, которые рано или поздно будут открыты.

И эмпирическое познание никогда не может привести к абсолютно конечным эмпирическим причинам. Это не менее верно в отношении познания нашего разума в отношении его эмпирических способностей, измененных организацией, чем в отношении познания объектов вне нас. Эмпирическая психология, как и эмпирическое естествознание, способна к бесконечному прогрессу.

Абсолютные последние данные причины могут заявить о себе только через свои следующие (действительные) следствия во внутреннем опыте, – насколько это зависит от простого воображающего субъекта, и во внешнем, – насколько это зависит от внутреннего, – и могут быть даны и обнаружены только как обретение совершенства в субъекте.

Внутренний опыт зависит от внешнего в той мере, в какой он содержит факты, в определенных терминах которых не представляется возможным абстрагироваться от внешних впечатлений и условий организации.

Внешний опыт независим от внутреннего в той мере, в какой он зависит только от внешних впечатлений и, таким образом, в своей индивидуальности составляет ретроспективу всего своего содержания. Он зависит от внутреннего опыта в той мере, в какой его объекты обладают свойствами, которые никак не вытекают из внешних впечатлений и которые несут в себе сознание абсолютной необходимости и всеобщности, впервые заявляющее о себе только во внутреннем опыте.

К обстоятельствам внутреннего опыта, как таковым, относится и самосознание как факт, без которого немыслимы все остальное. Существует самосознание как факт внутреннего опыта, и через него субъект, как воображающий, отличается от организации как воображаемого внешнего объекта, и каждое изменение в организации мыслится как нечто внешнее по отношению к субъекту.

Существует эмпирическое самосознание, как факт внутреннего и внешнего опыта, и через него воображаемый субъект представляется как человек, связанный с организацией, и изменения, происходящие в организации, мыслятся как находящиеся в человеке. Является ли и насколько субъект, как вещь в себе, независимой от организации как вещи в себе; отличается ли то, что лежит в основе представления, которое мы имеем о субъекте, отдельно от него и отдельно от способностей субъекта, от того, что лежит в основе представления, которое мы имеем об организации, отдель-

но от нее и принадлежащих ей способностей ума, или нет? Этот вопрос нельзя задать без противоречия, ибо он предполагает, что субъект и организация, которые мы знаем только через идею и, следовательно, только как воображаемые вещи, могут быть познаны без идеи и как вещи сами по себе. Но очевидно, что в одном из видов самосознания (а именно, в чистом. существует понятие субъекта, с помощью которого мы отличаем воображаемый субъект от воображаемой организации.

Факты эмпирического самосознания можно мыслить только через понятия, в которых проявляются внешние впечатления. Поэтому факты этого самосознания принадлежат внутреннему опыту, как бы отдаленно он ни зависел от внешнего.

Факты чистого самосознания могут быть осмыслены только через понятия, характеристики которых должны быть абстрагированы от внешних впечатлений. Факты этого самосознания, таким образом, относятся к фактам внутреннего опыта в той мере, в какой последний независим от внешнего и зависит только от самого субъекта. Сознание идеи как таковой есть факт внутреннего опыта; благодаря ему идея отлична от объектов и предметов и связана только с субъектом.

Чистое или трансцендентальное сознание идеи как таковой является фактом внутреннего опыта, и через него идея отличается от предметов и всех простых объектов, следовательно, и от изменений в организации, и связана только

с субъектом чистого самосознания. Напротив, в эмпирическом сознании имеет место простое воображение.

Факты трансцендентального воображения, представленные через чистые понятия, содержат характеристики того, что принадлежит субъекту самосознания в одних лишь идеях, или того, что точно так же называется тем, что должно быть предпослано в простом субъекте для возможности всякого опыта внутреннего и внешнего, в той мере, в какой он содержит идеи, и что должно быть названо трансцендентальной способностью воображения.

Например, трансцендентальное сознание чувственной идеи внешнего чувства есть сознание идеи, возникающей через внешние впечатления, в той мере, в какой то же самое относится к субъекту чистого самосознания, отличающегося от воображаемой в себе организации.

Поэтому в чистых понятиях концепта внешнего чувства, выводимых из этого факта, органические модификации этого вида концепта должны быть полностью абстрагированы, концепт, как то, что возникает в субъекте через внешние впечатления (полученные, как и откуда угодно., и трансцендентальная чувственность – как способность субъекта приходить к концептам через впечатления.

Как осознание представлений как таковых, так и самосознание возможны только через осознание того, что в представлениях свойственно воображающему субъекту как таковому, и что проявляется только во внутреннем опыте.

Итак, если внутренний опыт как таковой может привести к конечным причинам, то это возможно лишь в той мере, в какой воображение в своих эффектах может стать объектом внутреннего опыта; и эти эффекты представляют собой не что иное, как представления, поскольку они принадлежат простым субъектам, т.е. представлениям, которые, в свою очередь, являются объектами внутреннего опыта. В свете того, что делает их простыми представлениями.

Общее, логическое, понятие воображения, как таковое, может быть, по своему содержанию, выведено только из понятия сознания вообще, под которым понимается самый общий факт внутреннего опыта, который, именно потому, что он не может быть выведен ни из какого другого, не допускает никакого объяснения, кроме простого обсуждения его понятия, которое есть чисто мыслительное, очевидное само по себе.

Любое сознание может быть осмыслено только через три компонента. То, что сознается, субъект – то, что познается, объект – и то, что переживается сознанием и что носит название воображения.

Идея, таким образом, есть то, что отличается в сознании от субъекта и объекта, но относится к обоим.

Таков общий характер чувственной идеи, понятия (или идеи понимания. и идеи (или идеи разума.. Не осмыслив этот характер идеи, невозможно осмыслить ни один факт самосознания и сознания идеи. Поэтому выдвижение понятия

сознания в целом является первым принципом для науки о трансцендентальных законах познания.

Если под философией понимать средоточие знания, почерпнутого из конечных причин, а знание конечных причин само по себе считается философией, то это знание можно назвать элементарной философией, а выдвижение понятия сознания – первым принципом элементарной философии.

Источником этой элементарной философии является внутренний опыт, в той мере, в какой он независим от внешнего опыта, то есть в той мере, в какой он состоит из фактов чистого самосознания.

Пропозиции, посредством которых понятия этих фактов, взятые непосредственно из этих самих фактов, разрешаются и представляются в непосредственных суждениях, я называю пропозициями сознания. Они все являются пропозициями опыта; и ни в коем случае не философские принципы. Но насколько факты, устанавливаемые ими, непосредственно основаны в субъекте чистого самосознания, настолько эти предложения содержат чистый материал для конечных философских принципов, которые выводятся из них косвенными суждениями или причинами, посредством которых трансцендентальные причины их достигают сознания.

Дуализм

86. Основное положение третьей системы: Основание идеи абсолютной субстанции заключается в том характере

вещи в себе, благодаря которому она способна предстать перед нашим сознанием как независимое от нашего мышления бытие и заявить о своей реальности, действуя на нашу восприимчивость, а именно в своей протяженности, благодаря которой только она и может обладать впечатлительностью и живостью, как гарантами своей реальности у нас. Идея абсолютной субстанции, таким образом, имеет только один вид объективного основания, и есть только один вид вещи в себе, а именно, протяженные, материальные субстанции, **материализм**.

87. Основное положение четвертой системы: Основание нашей идеи абсолютной субстанции лежит в том характере вещи-в-себе, который единственно составляет сущность существующего объекта и который должен заключаться только в абсолютной силе простой вещи, которая одна только может быть мыслимой. Идея абсолютной субстанции, таким образом, имеет только один вид объективного основания; и существует только один вид вещей-в-себе, а именно, простые воображаемые субстанции.

Дополнение

«Для чисто философских занятий не хватает методологии. Сражения философов ведутся без всякой тактики. В наших рецензируемых и полемизирующих журналах и памфлетах мы сталкиваемся скорее с конфликтами сырых нагромождений, чем с развитым строем действующих армий. Человек ищет камень философского знания, не договорившись с самим собой о том, в какой области его нельзя найти, не говоря уже о том, в какой его нужно искать. Человек бежит из одной области в другую, из логической в метафизическую, из последней в математическую, оттуда (обычным кувырком. в эмпирическую психологическую, не желая и не заботясь о том, где он находится и как он туда попал. Если кто хочет закрепиться на каком-нибудь поле, не сопротивляйтесь ему, заманивайте и перетаскивайте его на другое; или даже кричите о победе и торжествуйте над ним, если он не хочет бороться за землю, которую вспахал».

«Мы верили, что в научной основательности важно лишь то, что все доказано.

Тщетное, самопротиворечащее притязание! То, что вы пишете, дорогой друг, о принципе вашей элементарной философии, вероятно, относится к фактическим принципам всех наук.

Утверждаемая ими причина есть не более и не менее как

факт, если она реальная и действительная причина, это факт, а пока что нечто данное и недоказуемое. Только то, что следует из нее, способно к доказательству, имеет предполагаемую причину, которая, как бы далеко она ни предполагалась как фактическая достаточная причина, сама не должна и не может иметь причину».

«Но факты могут и должны быть подчинены друг другу; один предполагает другой, и дело философского гения – обнаружить путем острого наблюдения, различения и связи подлинную соподчиненность этих фактов, найти в ряду их не только ни одного пробела, но и ни одного постороннего звена, и особенно высшее из них, которое должно быть положено в основание всех других и которому никакое другое не может быть положено в основание, которое имеет наименьшее содержание и наибольшую окружность.

И, прежде всего, обнаружить высшее из них, которое должно быть основанием всех других и для которого никакое другое не может быть основанием, которое имеет наименьшее содержание и наибольший объем. Наконец, дело философского усердия – представить найденный факт в чистом и определенном виде. – Доказать его? Ничуть не меньше! Факты могут быть только представлены. Они должны сами находить себе путь внутрь».

«Вся реальная истина, в той мере, в какой она реальна, основана только на фактах», «Логические законы мышления дают только необходимую истину, но не реальную истину.

Факты дают все настоящие истины, но не содержат необходимой истины». «Объедините эти два понятия. Оплодотворите логические формы, которые сами по себе неплодотворны, зародышами фактов; и таким образом будет создана наука, таким образом будут созданы реальные принципы.»

«Если бы факты были настолько просты, что из них нельзя было бы выделить никаких характеристик, никаких компонентов, никаких условий, ни внутренних, ни внешних:

то все попытки привести к расширяющемуся знанию через такие факты были бы тщетны*.. Во всех рассуждениях необходимо сравнение различного.

*Поскольку всякое логическое мышление является связыванием заданных характеристик, ни один факт, мыслимый логической мыслью, не может быть простым. Поэтому высший факт – сознание вообще – как объект мысли может и нуждается в расчленении. Но, конечно, его составные части не допускают никакого дальнейшего расчленения; в том смысле, что каждая из них может быть мыслима только через свое отношение к другим в целом факте; поэтому в развитии трех составных частей сознания круг получается неизбежным, а потому не менее всего ошибочным.

Но там, где есть части, анализ возможен и необходим для ясного осознания синтеза, целого».

«Конечно, не один философ, восходя к более простым элементам знания, доходил до понятия воображения и представления и останавливался на нем как на последнем звене своей линии мысли.

Но в этом последнем звене он ничего не мог различить; он считал воображение фактом, мыслимым через простое неразложимое понятие, и по этой самой причине он не знал, что делать с этим фактом и с ясным, но неясным понятием о нем».

«Факт, о котором размышляет логическая мысль, должен быть простым. Высший факт – сознание в целом – поэтому способен и нуждается в рассечении как объект мысли. Но, конечно, его составные части не допускают дальнейшего расчленения, так как каждая из них может быть мыслима только через ее отношение к другим в целом факте; поэтому в развитии трех составных частей сознания круг неизбежен, но это значит не что иное, как дефект.»

«Автор теории способности воображения наконец-то увидел множественность даже там, где привык видеть просто единство. В расчленении воображения «он нашел» отношение к объекту и субъекту и подчиненное разделение объекта и субъекта сознания. «Это факт, факт сознания в целом, в котором объект, субъект и концепт имеют место как его существенные составляющие; это действительно так; и надо удивляться, что то, что сейчас навязывает нам размышления

как столь естественные, столь обыденные, не было давно замечено и общепризнано».

«Обнаружение высшего факта, лежащего в основе всей подлинной истины, осталось бы бесплодным замечанием без открытия составляющих его определенного понятия. Определенное представление того, что было открыто, теперь требует выяснения и классификации более конкретных фактов и фактов, подчиненных наивысшему, вместе с исчерпывающим анализом всех их.»

«Анализировать здесь означает выводить несколько суждений из одного составного; и если существуют три реализации логической мысли: тезис о противоречии, о достаточном основании и об углублении первого; то анализ исчерпывается, когда из пропозиции, выражающей факт, извлекаются все возможные категорические, гипотетические и дизъюнктивные суждения, которые могут содержаться в ней, как отрицательные, так и положительные».

«Суждения, возникающие из соединения фактов с воплощениями логического мышления, – это первое детище. Они снова могут быть соединены друг с другом; и так истины, заимствованные из второй канвы, сыновья и внуки.

Они наследуют как реальность, так и необходимость; одна – от отца, другая – от матери. Однако в этом случае предстоит еще очень трудное и в то же время необходимое дело. Все потомство должно быть крещеным – должно быть определено. Ибо все эти продукты размышляющего разума –

такие эфемерные мелочи, что они тут же ускользают, если не прикрепить их к знакам, и прикрепить крепко, и в соответствии с необходимостью хранить их и уметь с ними обращаться.»

«Мы обнаружили, например, что концепция относится к субъекту, как пропозиция гипотетического суждения относится к его пропозиции. Таким же образом я отношу ее к объекту. Как мы теперь назовем это отношение? Причиной? Но как тогда предотвратить смешение этого обозначения с более показательным обозначением причины, чтобы понятие последней не навязывалось понятию первой?

«Слова „есть“, „из“, „в“, „принадлежит“, „относится“ и т. д. связаны с подобными неудобствами. В том виде, в каком они используются в элементарной философии, они должны выражать важнейшие функции разума через их обычную форму повседневных для – до – и добавочных слов!»

II. СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВ БУДУЩЕГО И ПРОШЛОГО МЕТАФИЗИКИ

1. Понятие мира является исторической основой всей метафизики. Космогония была предварительным упражнением философствующего разума в его метафизических попытках. Эти последние поспешно начали с пантеизма, который искал конечное основание всех представлений и всего существования в существовании вселенной, и они должны будут закончить космологией, в которой мир как воплощение всех постижимых объектов, от души как непостижимого основания всех представлений – и от Божества как непостижимого основания всего существования этих объектов будут полностью отделены, и понятия Бога и души будут определяться простым отношением этих непостижимых вещей к постижимым.

2. Связь вещей, существенную в понятии мира, следует отличать от произвольной связи, вытекающей из соединения вещей по произвольным для нас целям, и от логической связи, вытекающей из расположения понятий вещей по их общим признакам (из группировки в виды и роды., и мыслить

как связь между самими вещами, как реальную связь.

3. Эта реальная связь является либо внутренней – между субстанцией и акциденцией; либо внешней – между причиной и следствием; либо внутренней и внешней одновременно – между субстанциями, которые заявляют о своей общности. Никакой четвертый вид немыслим, и, таким образом, все возможные виды реальной связи исчерпываются тремя упомянутыми.

4. Существование объектов опыта обнаруживает себя во времени либо как длительность, либо как бытие друг за другом, либо как бытие одновременно, и длительные, последовательные и одновременно угасающие характеристики этих объектов воспринимаются, т.е. достигают нашего сознания через простые ощущения.

5. Но то, что длится, в той мере, в какой оно только ощущимо, лишено определенности, т. е. необходимости, регулярности, определенности длительности. И слишком быстрая, и слишком медленная последовательность воспринимаются как длительность, тем более поразительная, чем больше сходство между последовательными признаками и чем незаметнее последовательность отдаленных. Поэтому осознать необходимую и определенную длительность, установленную в самом объекте, можно лишь постольку, поскольку в объекте не просто ощущается, а мыслится нечто, что не может быть чем-то следующим друг за другом, поскольку мыслит-

ся как субстанция. То, что определено в объекте, является субстанцией.

6. Одно, следующее за другим, в той мере, в какой оно только воспринимается, лишено той определенности, благодаря которой ему отводится необходимое, законное, определенное место во времени (А, В, С). То, что воспринимается как предшествующее в одно время, не воспринимается как действующее в другое, и наоборот; и даже если, например, А и В воспринимались как предшествующие, а другое – как действующее во все времена до сих пор, ни в коем случае нельзя с уверенностью заключить, что они всегда будут восприниматься в этом порядке, и что В не может, возможно, предшествовать А. Поэтому осознать необходимый и определенный характер А как предшествующего и В как последующего в самих предметах можно лишь постольку, поскольку в предметах не просто ощущается, но и мыслится нечто, в силу чего одно не может предшествовать, а другое не может следовать за ним, поскольку одно мыслится как причина, а другое – как вытекающее из него. Предшествующее, определяемое характером причины, называется причиной, вытекающее из нее, определяемое характером *solge*, называется следствием.

7. Одновременность, как бы далеко она ни была ощутима, лишена определенности, т.е. необходимости, закономерности, определенности единовременности. Как очень быстрая, так и очень медленная последовательность одинако-

вых изменений воспринимается как одновременность. Вещи также могут реально существовать одновременно в определенный период времени, которые становятся реальностью только друг за другом в другой период времени. Поэтому мы можем говорить о необходимом и определенном характере самих объектов. Два объекта не просто ощущаются, а мыслятся, в силу чего оба не могут быть друг после друга, оба должны быть одновременно, так как оба мыслятся во взаимной связи, один как причина определенных детерминаций в другом, а тот – определенных детерминаций в том. Одновременность, определяемая этим характером, называется общностью или конкуренцией.

8. Опыт – это осознание объектов восприятия в определенном контексте. Непосредственные объекты восприятия, или объекты, которые заявляют о себе сознанию только через ощущения, находят просто факт, который составляет содержание всего опыта.

9. Мы различаем эти факты на те, которые происходят в нас самих, и те, которые происходят в других, внешних по отношению к нам, и таким образом восприятие также распадается, а вместе с ним и опыт на внешний и внутренний.

10. Суть дела и сообщества, объявленного в этих двух, по сути, разных опытах, существенно различаются в том, что касается этого объявления.

11. Во внешнем опыте телесные субстанции возводят нас к себе как существенно различные, а во внутреннем опыте – субстанции, которые сами себя делят. К одним относятся происшествия, которые могут быть восприняты вне нас, следовательно, в пространстве, а сами субстанции представляются как упорно заполняющие то же самое в пространстве, следовательно, протяженные. К другим относятся происшествия, те изменения в нас, через которые мы имеем сознание, то есть идеи, которые не воспринимаются вне нас, а значит, и не в пространстве, и сами субстанции никак не представляются заполняющими пространство, а значит, непрерывными.

12. Во внешнем опыте о себе заявляют простые физические причины, действующие по механическим законам; во внутреннем опыте в волевых актах нас заявляет о себе некая не подчиняющаяся никакому естественному закону гиперфизическая причина, способная действовать по нравственным законам. Все ощутимые изменения в пространстве – это движения, и через внешний опыт невозможно прийти к какой-либо иной причине, чем та, действие которой состоит в движении, которое само должно быть следствием движения; действия же воли, происходящие во внутреннем опыте, должны мыслиться как такие, которые не являются следствиями других действий, но к которым волящий субъект определяет себя, действуя как абсолютная причина.

13. Во внешнем опыте о себе заявляет сообщество телесных субстанций, которое называется физическим миром, а во внутреннем мире – сообщество мыслящих и волевых субстанций, которое называется моральным миром. Первое может быть понято только последовательным ходом всех физических событий в соответствии с законами природы, второе – только последовательной закономерностью свободных действий. Оба мира вместе могут мыслиться как единое целое (вселенная, универсум только в той мере, в какой физический мир подчинен миру моральному.

14. Вещество алмаза будет испаряться через горящее зеркало, и даже если после этого распада останется что-то существенное, вещество алмаза будет уничтожено им. Природа каждой размытой субстанции состоит из состава, структуры, текстуры и т. д. определенных компонентов, которые нельзя считать неизменными. Элементы, которые в химии называют простыми, обладают лишь относительной простотой. Они являются последними, но не менее абсолютными, а лишь теми, к которым человек пришел путем предыдущих решений, и которые рано или поздно сами могут подвергнуться новым решениям. Вода, например, считалась простым элементом до тех пор, пока новейшая химия с помощью искусственного опыта не доказала обратное. Таким образом, абсолютное постоянство телесной субстанции не обнаруживается ни в одном опыте, и возникает вопрос: где же причина идеи абсолютной субстанции тела?

15. Насколько душа заявляет о себе через восприятие во внутреннем опыте, ей не хватает определенного характера субстанциональности. Преимущественная субстанция не может быть воспринята ни в пространстве, ни во времени как нечто постоянное. Не в пространстве, потому что иначе она должна была бы восприниматься как нечто вне нас, и не во времени, потому что то, что воспринимается только во времени, а не одновременно и в пространстве, может быть представлено в виде простого изменения, и только в виде изменения в нас. Действительно, представления также воспринимаются только как изменения в нас, и даже в мысли сохраняется не представление, а образ и сфера мысли. Субъект всех изменений в нас, субстанция, чьи акциденции находят идеи, и идентичность этой субстанции, которую мы познаем от колыбели до могилы, лежит полностью вне всякого восприятия, и поэтому возникает вопрос: где лежит основание нашего представления о душе как об абсолютной субстанции.

16. Насколько следствия, происходящие во внешнем опыте, известны через восприятие, каждое из них не имеет абсолютной причины, полностью достаточной причины, полностью определенного характера причинности. Деятельность, благодаря которой одна телесная субстанция становится причиной движения другой, сама является движением и пока что следствием движения другой. Поскольку это относится к каждой причине движения в опыте, поскольку

каждая из них мыслима только как следствие другого движения, каждая из них является лишь относительной, а не абсолютной причиной. Свойство материальных веществ, благодаря которому они остаются как в состоянии покоя, так и в состоянии движения до тех пор, пока их не выведут из него, обозначается названием силы инерции (*vis inertiae*.) Поскольку физика занимается явлениями материи, к которым относится и сопротивление, которое материя, как в покое, так и в движении, оказывает действию на нее, это сопротивление, однако, является проявлением силы; Это сопротивление, однако, является проявлением силы, поэтому в физике название силы можно сохранить для того проявления, которое является общим для всех тел, Но в метафизике, которая ищет абсолютные причины явлений, так называемая сила инерции может быть осмыслена только как простая неспособность материи причинить себе вред в другом состоянии – и сопротивление, которое покоящееся тело оказывает движущемуся или движущееся другому, основано только на состоянии либо покоя, либо движения, которое тело не дало себе. Поэтому достаточную причину этого сопротивления следует искать, помимо сопротивляющегося тела, в том, что привело его в состояние покоя или движения. Полностью достаточная причина, абсолютная причина изменения пространства (движения. должна быть такой, которая сама не является следствием другого изменения пространства; следовательно, она может мыслиться только как

причина движения; и поскольку это лежит абсолютно за пределами всех чувственных восприятий, возникает вопрос: где лежит причина нашего представления об абсолютной, или первой, причине движения?

17. Насколько действия воли познаются из внутреннего опыта, они зависят от мотивов, которые всегда непроизвольны; они могут теперь, в случае нравственно добрых действий, совершаться в требованиях совести, которые существенно отличаются от требований похоти; или, в случае нравственно злых действий, в требованиях вождения, которые противоречат требованиям совести, Эти мотивы, независимые от воли, находят причины тех следствий, которые мы приписываем воле; Поэтому, в какой мере она зависит в своих действиях от этих мотивов, можно мыслить только как относительную и вынужденную, но отнюдь не как абсолютную и свободную причину, Тем не менее, сущность нравственного и безнравственного действия состоит лишь в том, что причина одного не в неизбежном следствии разума по его закону, а причина другого – не в неизбежном действии произвольного желания, определяемого желанием или неудовольствием, а в свободном действии человека, независимого от обоих, который в одном случае делает закон против желания, в другом – желание против закона, определяющим способ разрешения, и в той мере, в какой он способен соотноситься с законом или преступать его. Вся разница между аморальным и безнравственным и между законным

и нравственными поступками упирается и отступает в ту свободу, которая, будучи абсолютной причиной волевого акта, тем не менее лежит полностью вне сферы восприятия, и поэтому напрашивается вопрос: Где лежит основание нашего представления об абсолютной, или свободной, причине моральных и аморальных, т.е. действительных актов воли?

18. Насколько сообщество телесных субстанций познается через внешний опыт, в нем отсутствует то абсолютное или полное, что заключается во всеобщей закономерности, без которой физический мир ни в коем случае не может мыслиться как должное целое, как сообщество всех физических субстанций. Опыт отнюдь не знакомит нас ни со всеми этими субстанциями, ни даже со всеми качествами известных среди них: и мы выходим за пределы возможностей опыта, если переходим от закономерности, которую не встречаем даже последовательно в немногих известных, к последовательной закономерности бесконечно многих неизвестных. Связь между существенно различными законами различных явлений нам совершенно неизвестна и не распознается никаким опытом. Химические явления и их законы никак не могут быть выведены из механических, а органические – из тех и других, ни рассматриваемых отдельно, ни взятых вместе; а явления животности, – и человечности, – разумных, мыслящих и волевых существ даже не заявляют о себе как таковых во внешнем опыте. Возникает вопрос: что лежит в основе нашего представления об абсолютном или универсальном

сообществе субстанций, составляющем физический мир?

19. Моральный мир, или всеобщая, абсолютная общность между свободными субстанциями, может быть понята только в той мере, в какой все эти субстанции подчиняются одному и тому же закону воли и признают его обязательный характер. Но все, что мы можем с уверенностью знать о правомерности наших собственных действий из внутреннего опыта, — это их законность или незаконность. Является ли законное действие нравственно хорошим, т.е. прекрасным, не проистекающим ни из какого другого намерения, кроме как ради законности, или же незаконное действие возникло из нашей свободы или из непроизвольного желания, не может быть доведено до полной уверенности никаким восприятием. Те учреждения в мире, о которых мы вынуждены судить по моральным законам, политические и религиозные, не только не имеют достоверного характера морали, но в большинстве своих проявлений находятся в (по крайней мере, материальном) противоречии с моралью своей явной незаконностью. Если те немногие вещи, в которых они не противоречат моральному закону, могут быть полностью объяснены просто неморальными причинами, стечением благоприятных обстоятельств и эгоистическим благоразумием, дорого купленным бесчисленным печальным опытом, то природа большинства установлений веры и позитивных законов во всех без исключения системах религии и формах правления свидетельствует либо о преоб-

ладающей тенденции к моральному злу в человеческой природе, либо, по крайней мере, о полном незнании морального закона. Если к этому добавить тот факт, что даже среди наших профессиональных моралистов нет согласия по главному вопросу о том, что подразумевается под моралью, законом и свободой воли, то можно не сомневаться, что представление о моральном мире может быть основано так же мало на внутреннем опыте, как и на внешнем; и возникает вопрос: на чем основана наша идея абсолютного сообщества между субстанциями, наделенными волей, которое составляет моральный мир?

20. Поэтому метафизика должна была и продолжает решать следующие шесть проблем:

1. Что является основанием для идеи абсолютной субстанции тела?
 2. Где основание идеи об абсолютной субстанции души?
 3. Где находится основание идеи абсолютной или первой причины движения?
 4. Где находится основание идеи абсолютной или свободной причины моральных и аморальных действий?
 5. Где находится основание идеи абсолютной общности телесных субстанций или физического мира?
 6. На чем основано наше представление об абсолютном общении между волевыми субстанциями, или о моральном мире?
21. Ввиду общности их содержания, эти шесть проблем

могут быть прослежены до следующих трех:

1. На чем основано наше представление об абсолютных субстанциях?

2. – абсолютных причин?

3. – абсолютных сообществ?

22. Эти три проблемы можно разбить на следующие две:

1. В чем причина идеи субстанций, причин и сообществ в целом?

2. Где причина идеи абсолюта?

Изложение основ будущей метафизики

23. В «Критике разума» показано, что идеи субстанции, причины и общности ни в коем случае не вытекают из опыта, но лишь из способности понимания, которая принадлежит к возможности опыта и предшествует всему опыту в разуме, и что субстанциальность, причинность и общность изначально являются не чем иным, как тремя формами идей, свойственных пониманию и основанных на институте его тонкой способности, формами, которые с идеями и через них в отношении объектов должны стать характеристиками их как воображаемых, но по этой самой причине не могут сами по себе принадлежать вещам.

24. Особенность ассоциации заключается в том, что, во-первых, она связывает чувственные представления, составляющие ее материалы, и тем самым подчиняет их формам действий разума; во-вторых, она предоставляет разуму непосредственные материалы, которые существуют в способах связи разума.

25. В первом рассмотрении запечатлеваются чувственно представленные вещи, в том, насколько разум возвышает их до объектов своих идей (понятий., в том, как далеко он представляет их через свои идеи, формы этих идей, которые в представленной им как таковой вещи составляют, между

прочим, характеристики субстанции, причины и общности.

26. Именно потому, что идеи разума относятся к объектам только через их материал, существующий в чувственных представлениях, и поскольку формами чувственных идей, основанных априори в чувственности, являются пространство и время, характеристики субстанции, причины, общности могут сочетаться только с пространством и временем и что, то, что должно быть подкреплено этими двумя формами чувственного воображения как материальное и, следовательно, нечто заполняющее пространство и время, должно быть связано с реальными объектами. Поэтому субстанцию, представленную умом, можно представить только как существующую в том, насколько она простирается, в пространстве и изменяется в нас (ощущением. во времени, – причина, представленная умом только как изменение пространства, которое ведет себя с другим как причина следствия, – сообщество, представленное умом только как соединение того, что находится в воспринимаемом и ярком...

27. Поэтому субстанция, причина и общность, воображаемые через разум и чувственность, могут быть объявлены только во внешнем опыте, а его субстанциальность, причинность, сообщество обусловлены состоянием восприятия и ощущения. Они связаны с формальностью восприятия, пространства и времени, а также с материалом, выполняющим эти формы, которые должны быть даны с самого начала и объявлены ощущением, они относятся к структурному

и осязаемому, только в той мере, в какой-то же самое ярко и ощутимо; поэтому они являются в худшем случае относительными субстанциями, причинами и сообществами, к которым характеристика Абсолюта не только не относится, но и почти противоречит.

28. Таким образом, ни одна телесная или физическая субстанция не может иметь характер абсолютно существующего или неизменного субъекта; ни одна телесная или физическая причина не может иметь характер абсолютно достаточной причины, и, следовательно, ни свободная причина, ни первая причина, ни телесная или физическая общность не могут иметь характер непрерывной причины.

29. Но относительное или условное не может мыслиться без абсолютного или безусловного, и мы пытаемся предпослать им нечто абсолютно существующее. Тому, что просто существует, абсолютно достаточную причину недостаточным причинам движения, а в случае неполного совпадения, насколько мы знаем, – полную, частью которой является последняя.

30. Так и субстанции, причины и сообщества, которые заставляют о себе во внешнем опыте и как таковые являются лишь относительными или условными, заставляют нас считать идею абсолютного или безусловного не чем иным, как пустой, беспочвенной, необоснованной идеей, основанной на воображении.

31. Воображающая субстанция, которая действует сво-

бодно посредством воли и принадлежит к моральному миру, и которая при таких характеристиках не может быть объектом другого опыта и не может заявить о себе через какую-либо сенсорную концепцию (ни восприятие, ни ощущение., может мыслиться только как субстанция и причина, независимая от условий сенсорного восприятия и ощущения, и только как член сообщества, независимого от обоих условий. Его нельзя представить ни как нечто устойчивое в пространстве, ни как нечто механически действующее, ни как часть механического целого, следовательно, только как абсолютную или безусловную субстанцию, причину и существующую в абсолютной или безусловной общности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.